"Вы хотите сказать, что хотите начать войну прямо сейчас?"

"Это уже война". Гарри почувствовал, как внутри него что-то всколыхнулось. Что-то сильное и прямое, чего он никак не ожидал. Каждое слово, которое он произносил, было похоже на нарастающий всплеск чего-то уверенного и готового. "Я не собираюсь идти на Волдеморта и сражаться с ним прямо сейчас. Но я собираюсь сделать все, что потребуется, чтобы убедиться, что он остановлен. Я не знаю как, но я владею 12 Гриммаулд Плейс. Я позволю Ордену Феникса продолжать пользоваться им, но я буду жить в своем доме, и никто не сможет меня остановить. После этого? Я еще не знаю".

"Значит, ты собираешься играть с огнем в отношении единственной надежной магической защиты, сохраняющей тебе жизнь, чтобы пойти своим путем вопреки всеобщему мнению и упрямо идти вперед с планом, деталей которого ты еще даже не знаешь". Сардоническое напряжение в голосе Гермионы было леденящим.

"Звучит как плохая идея?"

У Гермионы уже был готов ответ, но он растаял, уступив место другому ответу, чему-то более теплому и принимающему. "Звучит так, будто ты Гарри Поттер, и я не должна ожидать от тебя ничего меньшего. Мы никогда точно не знали, что мы делаем, но мы справились, не так ли? Слушая предупреждения людей, которые "знали лучше", мы бы только позволили тьме одержать верх".

"Рон все равно не стал бы держать домашнюю крысу из предательского лучшего друга моих родителей", - согласился Гарри.

"Я последую за тобой, куда бы ты ни захотел пойти", - сказала она, склонив голову на плечо Гарри. "Ты уже доказал свою состоятельность, и с тобой я чувствую себя в безопасности".

"После того, что случилось с Сириусом?"

"Сириус знал, что делал, и он был одним человеком. Остальные вернулись целыми и невредимыми, и я думаю, что ты несешь за это большую ответственность, чем ты думаешь". Рука Гермионы нашла его руку. "И я имею в виду не только безопасность от физических опасностей". Она крепче сжала его руку, улыбка расширилась, когда она плотно прижалась к Гарри, чувство разочарования и давления медленно нарастало. "Так что если ты собираешься сделать это, то я буду с тобой, на каждом шагу".

"Гермиона, ты..." Гарри не смог закончить фразу, резко оборвав ее и повернувшись к Гермионе, увидел, что она смотрит прямо на него, и почувствовал, как острая потребность в толчке овладевает им. Он наклонился и схватил Гермиону, притянул ее к себе и прижался к ее губам, целуя ее с потребностью и голодом, которые казались ему смутными и неистовыми. Он не понимал, как справиться с этой потребностью и идеей позволить чувствам овладеть им. Он никогда раньше так не поддавался, но сейчас Гарри не мог сдержаться. Он повернулся внутрь, схватил ее, притянул к себе и впился в нее поцелуем, таким голодным и отчаянным, на какой

только был способен, позволяя наслаждению разжечь в нем что-то неукротимое.

Гермиона ждала этого. Надеялась. Он уловил это, и теперь, когда она увидела свой шанс, она просто пошла на это, крепко прижавшись своим телом к телу Гарри. Она поцеловала его с глубокой, голодной силой и позволила напряжению захватить ее, утягивая вниз, в тепло и комфорт его поцелуя. Это была вся безопасность, которую она подразумевала, вся безопасность, в которой она нуждалась, и Гермиона почувствовала, как ее наполняет глубокая тоска и голод, ради которых она не хотела приходить сюда, но это случилось, и она не очень-то хотела с этим бороться.

Целуясь, они оба чувствовали напряжение друг друга, отчаяние, наконец-то взывающее ко всему, чего они оба хотели, уверенность и взаимное желание, которое принесло им обоим чувство глубокого облегчения. Ни один из них не был одинок в этих чувствах, и теперь они были открыты миру, открыты, готовы, вызывая отчаянную открытость, которая таила в себе особое обещание. Все, что чувствовал Гарри, было лишено всякого смысла, но так, что вызывало гораздо больше чувств, чем он был готов к этому; нужда владела им, отчаяние и разочарование вызывали множество желаний и напряжений одновременно, и не было абсолютно ничего, чего бы он хотел сейчас больше, чем Гермиону.

Но поцелуй оборвался слишком быстро. Гермиона отстранилась, испуганная тем, что они сделали, и внезапностью того, как это произошло. Она не выглядела пристыженной, просто была потрясена. "Мы сделали это", - сказала она напряженно. "Гарри, мы просто..."

"Мы просто поцеловались", - сказал Гарри. "На мгновение я как бы... я забыл о Сириусе. Обо всем. Это было приятно".

"Гарри, я... Я не хочу предлагать тебе забыть о Сириусе. Или о чем угодно. Но, возможно, тебе нужно время, чтобы..."

Еще один поцелуй. Гарри снова стал инициатором. Ему это было необходимо. На этот раз он притянул Гермиону к себе, и она с радостью потянулась, забравшись к нему на колени в погоне за удовольствиями и ощущениями, которые казались гораздо более нарочитыми, отчаянными и горячими, но от этого еще более желанными. Оба они чувствовали себя такими нуждающимися и измученными, так отчаянно нуждались в чем-то, за что можно было бы ухватиться и держаться. Это подстегивало их потребности, подстегивало срочность их поцелуя, когда они позволяли этому происходить и позволяли этому забирать их. Гермиона не жаловалась и не колебалась, просто целовала Гарри так сильно, как только могла, позволяя себе заводиться и изнемогать от идеи поцелуя и терять себя.

"Думаю, я готов вернуться в постель", - сказал Гарри, но когда его руки сжались на ее руках, Гермиона поняла, что он имел в виду, поняла, чего он хочет.

И она приветствовала это.

****

http://tl.rulate.ru/book/3154/74546